

З. К. ТАРЛАНОВ

Текстообразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума

Общепризнанно, что Житие протопопа Аввакума, как и все его творчество, занимает особое место в истории жанров и жанровых традиций русской литературы и русского литературного языка второй половины XVII в. Оно представляло собою, по выражению Д. С. Лихачева, «настоящий бунт»¹ против литературного этикета, разрушение которого «началось еще в XVI в.»² Как «явление уникальное, не нашедшее последователей», характеризует стиль Жития И. П. Еремин.³

Обильно внедряя в литературное произведение традиционно строгих жанровых канонов устно-разговорную речь, Аввакум подрывает фундаментальный структурно-языковой принцип агиографии — принцип строгого соответствия языка жанру произведения, сознательно защищая идею языковой свободы и отстаивая литературные права и возможности русской разговорной речи.

Разрушая старые традиции литературно-языковой практики, Аввакум вместе с тем стоит у истоков новых традиций, вызванных к жизни развитием русского литературного языка по пути выработки новых норм выражения в соответствии с потребностями времени. «Смещение, чередование, взаимопроникновение и соотношение книжно-славянской и народно-русской речевых стихий, так разнообразно и выразительно представленные в различных жанрах сочинений Аввакума, — пишет В. В. Виноградов, — процесс, важный и типичный для развития русского литературного языка в целом в его движении к национальной норме словесного выражения».⁴ Вместе с тем очевидно, что составляющие этого процесса не равнозначны: в целенаправленном соединении двух языковых стихий Аввакумом господствующая роль отводится народно-русской стихии, на что имеется указание самого автора («... и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышашии, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык...»⁵), — указание, которое кладет начало высказываниям русских писателей о русском языке.

Тот факт, что Житие Аввакума лишено жанрового единства в традиционном смысле, дал основание некоторым исследователям утверждать

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., дополн. М., 1979, с. 101.

² Там же.

³ Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII вв. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 18.

⁴ Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 371.

⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Редакция, вступит. статья и коммент. Н. К. Гудзия. М.; Л.: Academia, 1934, с. 63. (Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

даже, что оно «в сущности не является единым по жанру произведением, а представляет собою сборник разнородных, хотя и более или менее связанных друг с другом произведений, состав и композиция которого в различных редакциях и списках менялись».⁶ Для уяснения вопроса о степени целостности Жития важным является сюжетно-композиционный анализ составляющих его эпизодов. Такой анализ и был проведен Н. С. Демковой,⁷ в результате которого автор в противовес получившим широкое распространение в специальной литературе представлениям о свободе расположения эпизодов в Житии выдвигает мнение о его сюжетной организованности и, следовательно, о его композиционно-художественном единстве. Не вдаваясь в оценку приведенных мнений, обратимся предварительно к некоторым аспектам синтаксиса этого действительно уникального произведения.

Начало изучению синтаксиса Жития Аввакума было положено исследованием В. В. Виноградова «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (1923). Отметив, что одним из двух разделов стилистики выступает композиция, изучающая «принципы расположения слов: их организацию в те или иные синтаксические ряды, а также приемы сцепления и сопоставления синтаксических целых»,⁸ В. В. Виноградов, в частности, обращает внимание на ряд типов предложений, определяющих синтаксическое своеобразие Жития и обусловленных, с одной стороны, «соответствием их той примитивно-народной форме его сказа, которая покоится на быстрой передаче движений».⁹ а с другой — «стремлением к более сложным синтаксическим построениям и к закономерному расположению их параллельными рядами с сопоставлением или противопоставлением этих рядов».¹⁰ В работах других авторов, также посвященных синтаксису Жития Аввакума, почти исключительно рассматриваются вопросы, связанные со строем разных типов предложений безотносительно к тому целому, в составе которого они функционируют. Так, анализируются обращения,¹¹ атрибутивные словосочетания,¹² конструкции с дательным беспредложным, бессоюзные сложные предложения,¹³ языковые средства выражения противопоставления¹⁴ и другие аналогичные явления в Житии Аввакума. При всей важности и плодотворности таких исследований они недостаточно ориентированы на синтаксическую стилистику, прослеживая на конкретном материале один из этапов в эволюции синтаксического строя русского языка в целом. Конечно же, стилистическое изучение художественного произведения непременно предполагает подробную инвентаризацию и составление реестра всех синтаксических характеристик единиц текста

⁶ Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 33.

⁷ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974, с. 142—160.

⁸ Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980, с. 7.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Коротаяева Э. И. Обращение в языке произведений Аввакума. — В кн.: Исследования по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1974, с. 164—172.

¹² Черняк Л. М. Атрибутивные словосочетания в «Житии протопопа Аввакума». — Вестник Харьковского гос. ун-та, 1965, № 12. Серия филолог., вып. 2, с. 82—92.

¹³ Иванова В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением во второй части: (На материале сочинений протопопа Аввакума). — В кн.: Проблемы общего и русского языкознания. М., 1972, с. 229—242.

¹⁴ Холодилова Л. Е. Языковые средства выражения противопоставления в «Житии» протопопа Аввакума. — В кн.: Эволюция и предьстория русского языкового строя. Горький, с. 49—54.

для выявления соответствующей стилистической доминанты в ряду функционально однотипных языковых явлений. Но это лишь одна сторона дела. Существенно и то, как и в какой мере те или иные синтаксические единицы организуют то целое, «кирпичиками» которого они являются. Стилистический анализ текста на уровне предложения предполагает рассмотрение последнего, по крайней мере, с трех точек зрения: 1) с точки зрения внутренней структуры — интрапредложенческий аспект; 2) с точки зрения его типологической соотносительности с функционально аналогичными единицами — интерпредложенческий аспект; 3) с точки зрения его «включенности» в текст в целом — экстрапредложенческий аспект, с которым связано выявление функций отдельных фраз или групп их в сюжетообразовании, структуре повествования, в замедлении или ускорении его, в создании подтекста и т. д. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Одна из языковых особенностей Жития Аввакума состоит, как известно, в том, что в нем широко и в значительном количестве встречаются короткие реплики различного содержания и назначения. В этом В. В. Виноградов справедливо усматривал примету «бесхитростной импровизации — „беседы“, „вяканья“». ¹⁵ Но роль их по отношению к тексту в целом не одинакова: некоторые из них относятся ко всему тексту, организуя его, связывая отдельные эпизоды в целое, другие прикреплены к соответствующим частям, реализуя обширный диапазон модально-субъективных, обобщающих, объективизирующих, побудительно-призывных значений.

Среди реплик первой группы особо выделяется оборот «паки на первое возвратимся» (л. 69, 124) и его вариант «на первое возвратимся» (л. 76, 95, 105, 110, 119). В редакции А реплика повторяется 7 раз, выполняя строго определенную конструктивную роль. Первый раз она употребляется во вступлении. После обращения к «всесвятой троице» следует рассуждение о «божественных именах истинных и похвальных», прерываемое вставкой «мы же речем: потеряли новолубцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа» (л. 64—65) и описанием «знамений» в жизни Дионисия Ареопажита и России, когда «Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излил фял гнева ярости своея на русскую землю» (л. 67). Далее идет рассуждение о «тройцах». Пояснение смысла второй «тройцы» завершается комментарием: «У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыре, по римской бляди; мерзко богу четвертичное воспевание сицевое: аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще» (л. 68—69). И далее — реплика «Паки на первое возвратимся» (л. 69), за которой следует рассуждение о смысле третьей «тройцы» (л. 69). Завершается вступление формулированием авторского кредо: «Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю» (л. 71). И тут же начинается повествование о жизни Аввакума, в котором ролью начального сюжетообразующего звена наделяется опять-таки прерывающийся рассказ о «начальнике», отнявшем у вдовы дочь (л. 74). Повторяясь второй раз, реплика служит для соединения частей этого рассказа (л. 76). Последний раз она встречается перед рассказом о жизни в «монастыре Пафнутьевом» (л. 124).

Рассмотрение всех эпизодов, на стыке которых отмечается указанная реплика, убеждает в том, что она служит для связи воедино частей Жития, составляющих основную сюжетную линию, прерываемую спонтанно возникающими воспоминаниями: это кредо Аввакума — столкновение с начальником — арест — ссылка — путешествие по Сибири — «московское бытие» — заключение в Пафнутьев монастырь. Дальше сюжетная

¹⁵ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . . , с. 8.

линия как бы обрывается, и «беседы о своей волоките», «про невежество свое», повести о «бешаных» и т. п. не охватываются сюжетно изоморфной синтаксической конструкцией. Сказанное позволяет в основном поддержать мнение Н. С. Демковой о том, что Житие Аввакума — это произведение с «единым, осознанным автором художественным сюжетом».¹⁶

Иную роль в Житии играет реплика «Говорить о том полно» (л. 67), выступающая также в вариантах: «полно тово плачевнова дела говорить» (л. 86), «полно тово» (л. 95, 108, 110, 124), «полно про то говорить» (л. 98), «полно о том беседовать» (л. 119), «да полно тово говорить» (л. 155). В той же редакции А она встречается 10 раз, причем во вступлении — однажды, в собственно жизнеописании до заключения в Пафнутьев монастырь — 8 раз и в самом конце Жития, в финале рассказа о борьбе с бесом, — один раз. Реплика образует то самостоятельную смысловую единицу, то первую часть более сложной структуры с комментирующей второй частью. Примеры конструкций с продолжением-комментарием: «Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест» (л. 67); «Полно тово, — и так далеко забрел» (л. 110); «Да полно тово говорить. Чего крестная сила и священное масло над бешаными и больными не творит божиею благодатию!» (л. 155).

Конструктивное назначение этой реплики заключается в том, что она завершает эпизоды, вставные «новеллы», сопутствующие основной сюжетной линии повествования. Не случайно повторение ее локализовано в центральной части Жития, насыщенной многочисленными отклонениями от сюжетного стержня, служащими для углубления и расширения содержания произведения в целом. Сюжетное повествование кончается — и отпадает необходимость в употреблении концовочных формул. Дальше следуют «повести», лишённые сквозной текстовой связи, к которым вполне применимо название «сборника разнородных произведений», предложенное В. Е. Гусевым для всего Жития.

Обозначение внутритекстовых границ не единственная функция концовочных формул. Одновременно с этим они указывают на неисчерпанность событийного ряда, который мог бы быть продолжен, но автор ограничивает себя, ибо напор ассоциаций настолько велик, что он, будучи не в силах противиться этому напору, прерывает одно повествование, чтобы тут же начать другое. Особенно отчетливо недосказанность актуализируется репликой, соотносительной с рассмотренной выше, — «Много о том говорить!» (л. 87), «О том много говорить» (л. 123), «Много про то говорить!» (л. 113), за которой нередко следует комментарий, содержащий эмоциональное разрешение, например: «О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век» (л. 123).

Очень разнообразны в Житии концовочные формулы, в которых даются определенная авторская оценка, трактовка изложенного, авторское отношение к изложенному; это и конкретно адресованные проклятия и пожелания-молитвы: «Да будет проклят сие поюще» (л. 69), «Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем!» (л. 127), «Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро» (л. 83); и формулы, прославляющие бога: «Слава о них богу!» (л. 98), «Слава богу, вся строившему благая!» (л. 99); и реплики, сопряженные с жестом, смысл которых поясняется следующей, подытоживающей фразой: «Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Иусе, господе нашем» (л. 129); и прямые обращения, полные иронии и осуждения: «Потужить надобно о них, бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго права» (л. 132); и формулы, реализующие покорность предначертан-

¹⁶ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума..., с. 142.

пому, неотвратимому: «Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати» (л. 134), и т. д.

«В „Житии“ протопопа Аввакума, — писал В. В. Виноградов, — разговорно-бытовой сказ переплетается с книжной церковно-славянской риторикой проповеди, самозащиты и обвинения. „Житие“ то облекается в форму агиографической повести о „тесном и скорбном пути истинного христианина“, то превращается в страстную защитительно-обвинительную речь по делу никониан и правоверных, дьявола и Христа, то переходит в народно-драматический сказ о приключениях несчастного горемыки».¹⁷ Какими бы ни были переходы в повествовании Аввакума, о чем бы он ни рассказывал, во всем и всегда присутствуют неистовый темперамент автора, богатейший мир его эмоций, объединяющий и по особому централизующий все без исключения эпизоды и «повести» Жития. Эта беспрецедентная в доаввакумовской литературе субъективность, авторская индивидуализированность повествования составляют основу его эмоциональной красочности и неповторимости. Для выражения эмоционального мира автора в Житии используются языковые средства разных уровней (лексического, синтаксического, суперсегментного, — например эмфаза), но особую роль в нем играют все те же реплики, начиная от коротких восклицаний типа «Увы мне!» (л. 89), «Ох, времени тому!» (л. 93), «Чудо-таки!» (л. 118), «Увы!» (л. 126) и кончая мнимо-вопросительными предложениями, риторическими вопросами, импровизированными вопросо-ответными формами, косвенным и прямым цитированием, рассеянными по всему произведению.

Однако эмоциональное самовыражение — это не единственная и не главная задача автора. Скорбя, возмущаясь, протестуя, оправдываясь, раскаиваясь, Аввакум не упускает из виду воображаемого собеседника, как бы ждет его реакции. Поэтому эмоциональные обороты речи или клише, как правило, не завершают соответствующие эпизоды и сцены. После них следует пауза, как бы побуждающая собеседника включиться в разговор, и первая после паузы фраза приобретает функциональный статус ответной реплики диалога, например: «А что много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданные, — так и ладно будет!» (л. 109); «Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука» (л. 144); «Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет» (л. 136). Этим приемом создается художественный эффект сопричастности собеседника эмоциональному настрою героя. Той же направляюще-проповеднической цели служат и комментарии, которыми снабжаются почти все восклицания и возгласы центрального персонажа: «Ох, горе! везде от дьявола житья нет!» (л. 78); «Да что петь делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так?» (л. 92); «Да што же делать? пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощью» (л. 94); «Чему быть? волки то есть, не жалеют овец!» (л. 122). Нередко функцией комментария, от автора идущего назидания, обобщения наделяется цитата из Священного писания: «Увы! коли оставлю суетный век сей? Писано: „горе, ему же рекут добре вси человець“» (л. 126).

Реплики-возгласы и комментарии к ним, объединяясь между собой, образуют своеобразные, эмоционально двучленные художественные микроструктуры с вполне конкретными функциями и установкой на локализацию: завершая тот или иной эпизод, они сосредоточиваются в конце его и содержат проецированные на религиозно-этический и нравственный кодекс жизни «истинного христианина» назидание, вывод, обобщение, мотивирующий комментарий, формулу покорности «вся благая стро-

¹⁷ Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления, с. 371.

ившему богу» и т. д. Примечательно, что по такой же композиционной схеме в Житии составлены и отдельные фразы, например: «Бес-то ведь не мужик: батого не боится...» (л. 96); «А дети малыньки были, едоков много, а работать некому: один горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок» (л. 92); «Сами видят, что дуруют, а отстать не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять!» (л. 123). Таким образом, принцип этот оказывается изоморфным для разнообъемных текстов Жития и продолжает одну из стилистических традиций русской литературы предшествующей поры.¹⁸

Обусловленная быстрыми, подчас неожиданными переходами и перепадами неровность повествования, в корне противоположная плавному, паратаксическому строю ортодоксальной агиографии, мозаичность текста и его интонационного оформления, определяя своеобразие Жития как целостного произведения, пронизывают и внутреннюю семантическую структуру предложения. Предложения у Аввакума в зависимости от контекстуальной соотношенности то энергичны и неотразимо стремительны: «...яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой...» (л. 70); то торжественно риторичны: «Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедаю, с сим живу и умираю» (л. 71); то императивно-призывны: «Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила» (л. 101); то загадочно-таинственны: «Двери не отворялись, а ево не стало!» (л. 82); то подчеркнута поучительны: «...не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити» (л. 117); то по-деловому скрупулезны и монотонны: «Пожаловал (государь, — *З. Т.*), ко мне прислал десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник десеть рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружнице наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных и нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною!» (л. 119); то по-ораторски амплификативны: «Июда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокомерия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пять сот лет во аде был осужден» (л. 156); то удивительно живописны: «А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет зря на чужую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно; без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тьму, — день судный коегождо явит» (л. 111); то открыто ориентированы на пословичные формулы: «Любил, протопоп, со славными знатца, любя же и терпеть, горемыка, до конца» (л. 95); то по-разговорному эмфатичны, то спокойны и безмятежны, то подчеркнута сентиментальны, — словом, стилистический рисунок фразы Аввакума почти безграничен. И достигается это за счет прежде всего возрастающе-градационного расположения однотипных синтаксических форм, тонкого угадывания фразоорганизующих возможностей служебных слов, соединения между собой традиционно разделенных структур, широкого применения принципа бинарности в фразообразовании, сочетания грамматически контрастных предложений и частей их для получения неожиданных эффектов, активного внедрения в письменную речь устно-разговорных интонаций. В этом синтезе богатств русского синтаксиса, подчиненного

¹⁸ Д. С. Лихачев считает бинарность с кадансовым разрешением одной из важнейших примет «плетения словес», см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 129. Кстати, этот принцип достаточно широко используется и в поговорах XVII в.

задачам авторского замысла, Аввакум — бунтарь и разрушитель традиции неотделим от Аввакума-новатора.

Таким образом, наблюдения над текстом Жития в соответствии с вопросом, поставленным в названии настоящего сообщения, убеждают в том, что в его сюжетно-композиционной структуре важную роль играет текстовой изоморфизм ряда синтаксических структур, благодаря чему, во-первых, обеспечиваются единство и целостность интонационного рисунка произведения, создаваемого повторением на всем его протяжении реплик-возгласов, вопросительных интонаций, эмфатических конструкций и т. д.; во-вторых, поддерживается непрерывность сюжетной линии (направляюще-отсылочные реплики); в-третьих, оформляются побочные эпизоды, спонтанно возникающие по ходу сюжетной линии (концовочные формулы).